

Т. М. Николаева (Москва)

АВТОР "СЛОВА" - БОЯН (ПОЭТИКА ИЛЛОКУТИВНЫХ СИЛ В "СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ")

Вновь и вновь интерпретируя те неявные содержательные оппозиции, выявить которые помогает лингвистика текста (герменевтика), приходишь к несомненному выводу о наличии в "Слове" отчетливого противопоставления индивидуального - стихийному, асоциального - социальному, человека - стихии, Города - Полю. Все эти оппозиции обычно связываются с образом князя Игоря, его войска и его похода.¹ Несомненно также и то, что, бросая вызов, князь Игорь надеется на два сущностных феномена: 1) на удачу, помощь Судьбы, 2) на профессиональное мастерство - своих воинов, войнов брата. По сути знаменитое описание воинов-курян есть описание профессиональной воинской подготовки - неслучайно она описывается так подробно.² Им противостоят половцы: непроторенными дорогами бегут они в поле, как волки. Но, очевидно, профессиональному-воину можно надеяться на обманчивую удачу. Игорю она изменяет.

И здесь мы высказываем предложение, что в "Слове" намечены две параллельных линии, демонстрирующих борьбу индивида-профессионала и стихийного начала. Вторая линия воплощена в противопоставлении автора "Слова" и Бояна. Недаром первой фразой текста являются слова о поэтическом мастерстве. Автор не просто спрашивает, как ему строить свою песню, но утверждает, как не надо ее строить.

За почти двести лет глубокого изучения текста "Слова" линия Игоря и отношение к нему автора изучены досконально и понимаются практически единообразно. Отшли в прошлое многие споры, актуальные для эпохи "Слова". И лишь один спор до сих пор по сути остался и актуальным и нерешенным до конца. "Лепо" или "нелепо" было писать по старому? Что думал автор о поэтах старого и нового времени?

В средневековой Европе шли состязания поэтов: в Ирландии - с VI века, в Скандинавии - с VIII века, в Вартбурге, в Нюренберге, на юге Франции они начались позже - в XII-XIII веках.

Несомненно, что автор бросает вызов с самого начала. Более интересно другое: то, что современники, прочтя "Слово" (околдованные модным тогда Макферсоном?) в основном увидели в тексте - Бояна. Вот что пишет в 1797 году Н.М. Карамзин:

... "Два года тому назад открыли в наших архивах отрывок поэмы, под названием: Песнь Игоревых воинов, которую можно сравнять с лучшими Оссиаковыми поэмами, и которая написана в XII столетии неизвестным сочинителем. Слог, исполненный силы, чувства величайшего героизма, разительные изображения, почерпнутые из ужасов природы, составляют достойства сего отрывка, в котором поэт, представляя картину одного кровавого сражения, восклицает: "Увы, чувство, что кисть моя слаба, что я не имею дара великого Бояна - сего соловья времен прошедших". Следовательно, и до него были в России великие поэты, которых творения поглощены веками. Летописи наши не говорят об этом Бояне, и мы не знаем, когда он жил и когда пел. Но это почтение, воздаваемое его дарованиям таким поэтом, заставляет сожалеть о потере его творений".³

Не желая принимать всерьез выдвинутую А.Л. Никитиным гипотезу о роли Бояна в создании текста "Слова" и полностью присоединяясь к критике этой гипотезы акад. Д.С. Лихачевым и другими исследователями⁴, предлагаем обратиться к "каноническому" тексту "Слова".

Три вопроса встают перед современным читателем:

1. Как на самом деле относился автор к Бояну?
2. Каким предстает Боян и его метод из текста "Слова"?
3. Что можно сейчас сказать об этом споре?

По первому вопросу существуют две точки зрения, не выстраиваемые хронологически. Так, для М.А. Максимовича "Слово о полку Игореве" важно "как единственный источник, в котором сохранилось известие о славном вещем Бояне... Он (автор - Т.Н.) так любит, так величает Бояна, как Песнотворца старого времени, прежних князей и прежней славы Русской".⁵ Вс. Миллер также считает, что автор следует направлению Бояна: "Начав во вкусе Бояна, автор должен был выдержать направление и кончить тем же почтенным именем."⁶ Иными словами, "постоянно находились критики, которые, говоря о Бояне, оставляли академическую сдержанность и преисполнялись пийтическим восторгом. Тогда все, что сказано в "Слове" о Бояне, понималось как собрание комплиментов, идущих один за другим во все нарастающей интенсивностью".⁷ Как видно из приведенной цитаты, Д.М. Шарыпкин держится другого взгляда на Бояна и его поэтику. Наиболее просто и ясно эту другую точку зрения сформулировал А.С. Пушкин: "Ирония пробивается сквозь пышную хвалу". И добавляет далее: "Стихотворцы никогда не любили упрека в подражании, и неизвестный творец "Слова о полку Игореве" не преминул объявить в начале своей поэмы, что он будет петь по-своему, по-новому, а не ташиться по следам старого Бояна".⁸

Итак, есть две точки зрения на отношение автора "Слова" к Бояну. Интересно, что акад. Д.С. Лихачев считает, что в самом тексте "Слова" есть внутренний диалогизм, что оно рассчитано на исполнение двумя певцами, в двух разных манерах, архаической, украшательской, и более сдержанной, фактически повествовательной. Один из рассказчиков - как бы за Бояна, его манеру.⁹

Автор "Слова" начинает повесть с литературного спора, размышиляет о своем стиле. "Такая рефлексия, сколько известно несвойственна народной поэзии", - замечает А.А. Потебня.¹⁰ Спор с Бояном проходит через весь текст: поэма начинается Бояном и кончается Бояном.

Междуд тем эпоха песнопений Бояна вполне определена: она относится к битве Мстислава с Редедей (1022 год), к старому Ярославу (умер в 1054 году), красному Роману (умер в 1079 году), Всеславу Полоцкому (умер в 1101 году). Есть гипотеза, что он был и певцом Олега Святославича, утвердившегося в 1094 году на черниговском столе. Таким образом, он совсем не был близок по времени к автору "Слова": их разделяет как минимум сто лет. Но и обращения самого автора к прошлому так же относятся к времени Бояна. С несомненностью можно сказать одно: Боян, кто бы он ни был, был поэтом известным и значительным. Он был знаменитым поэтом. (Переклички поэтов отличает и наше время: см. сколько стихотворений лучших наших поэтов XX века обращено к Пушкину!).

Однако, автор "Слова" спорит с Бояном. Очевидно, что речь идет не о реальном турнире поэтов, а о споре двух манер, двух видов поэтики.

Анализ текста "Слова" лингвотекстологическими методами приводит к выводу, что в тексте "Слова" представлены три уровня "установочных" оценок по отношению к Бояну, все уровни обладают автономными средствами. Это: 1) обращение к фоновому эстетическому фонду, с одновременным формированием этого фонда; 2) снижение личностной характеристики поэта-соперника; 3) демонстрация преимуществ собственной поэтической техники. Не покидая пределов своей собственной иллоктивной техники, все уровни в реальном тексте функционируют одновременно, имея задачей последовательную аккумуляцию негативной модальности.

На первом уровне существенно введение в абсолютном начале частицы ЛИ. Готовя большую работу о "Слове", А.С. Пушкин обратил внимание на эту частицу. По мнению А.С. Пушкина, ЛИ имеет не только вопросительное, но и утвердительное значение, ср. *Едва ли, вряд ли*. Тогда обе первых фразы логически соотносятся между собой. Таким образом ЛИ читается как 'ведь': *Ведь не пристало начинать... в старой манере*. 'ЛИ - ведь' создает презумпцию единства взглядов поэта

и социума адресатов. Автор дополняет эту связь, параллельно формируя социум, пояснением: частицей БО 'потому что, ибо'. Она, как и ЛИ является ключом к пониманию текста. Не нужно петь слогом Бояна, потому что он пел следующим образом. Он растекался мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками. Он пускал десять соколов на стадо лебедей. Тот сокол, который долетал до лебеди, давал ей знак петь. Но это были его вешние персты, которые на живая струны въскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху. Т.е. струны рокотали сами, соколиный полет не имел заданного порядка. Создается впечатление некоторого отсутствия творческих мук. Далее автор показывает, как мог бы Боян пропеть песнь Игорю: Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая, галицы стады бѣжать къ Дону великому. Представленные здесь отрицательные сравнения с параллелизмом характеризуют фольклорную манеру повествования, в "Слове" они отсутствуют (кроме, может быть, А не сорокы втроскоташа, на слѣду Игоревѣ ѻздитъ Гзакъ съ Кончакомъ). Об этом начале автор пишет: Пѣти было. А далее читаем: Чи ли въспѣти было, вѣщай Бояне, Велесовъ внуче. Ее можно понять как рекомендацию, приглашение. См. рядом: Комони ржуть за Сулою,- звенить слава въ Киевѣ; трубы трубять въ Новѣградѣ, - стоять стязи въ Путивлѣ, т.е. автор приглашает к новой манере.

Следующее появление в тексте Бояна: высказывание о Всеславе Полоцком: Ни хыпру, .
ни горазду,
ни птицю горазду
уда божия не минути.

Об этом высказывании Бояна как о чем-то высоко поэтическом говорить трудно. Общая мысль: от смерти никому не уйти, не кажется ни глубокой по мысли, ни яркой по форме. Как замечает Вс. Миллер, "ему (Бояну - Т.Н.) приписывается пословица, одно из тех бесчисленных изречений житейской мудрости, которых авторы никому неизвестны".¹¹ Последнее высказывание Бояна: "Тяжко голове без плеч, беда телу без головы" (Тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы). Трудно представить себе, что подобное высказывание в XII образованном веке могло казаться мудрым и оригинальным. Именно здесь встают в сознании слова А.С. Пушкина об иронии, пробивающейся сквозь пышную хвалу.

Второй уровень - это личностная характеристика Бояна. Проследим последовательно прилагаемые к нему номинации. Сначала он - Боян вѣщий. Он соловей старого времени, внук Велеса. Во второй половине текста он уже смысленый. Его сообразительность (смысленность) - в

создании предсказания о том, что никому божьего суда не миновать. В самом конце текста он называется песнотворцем старого времени. Таким образом, налицо последовательное (сознательное - ?) снижение образа через номинации.

Обращение к пышно восхваляющему его началу также заставляет задуматься. Боян - вещий, ведающий, все знающий, прорицатель. И в то же время он, как он говорил, помнил усобицы быльих времен:

Помняшеть, ба, рече,
първыхъ времень усобицѣ.

Это рече заставляет задуматься над вопросом о том, а помнил ли он их на самом деле? Может быть, его панегирики были столь трафаретны, что, в сущности, годились любому князю? "И все-таки в Бояновых песнях, обращенных к князьям, не было порывов романнической фантазии, философской глубины или лиризма. Содержание этих песен, относившихся к самому консервативному жанру скальдической поэзии, скучно и трафаретно, окаменело-схематично и стереотипно".¹² Акад. А.Н. Веселовский именно на художественных основаниях полагал Бояна вообще не реальным лицом, а некоей болгарско-византийской моделью - маской: "Главный аргумент против русского Бояна - это тип искусственного, школьного песнотворца, каким он нам является".¹³

Несомненно то, что реальный Боян воспевал князей, был поэтом придворным.

Отступая на некоторое время от принципа обращения только к тексту "Слова", обратимся все же к вопросу о том, кого же, по тексту "Слова", воспевал Боян? Это князья: старый Ярослав, храбрый Мстислав и красный (красивый) Роман Святославич. Какая модель связывающих их отношений выявляется из источников? Ярослав и Мстислав были родными братьями. Роман был внуком Ярослава, т.е. внучатым племянником Мстислава. Итак два Брата + прямой потомок одного из них. (Разумеется, автор располагал и какими-то другими адресатами Бояна, но их не назвал). В каких отношениях они были между собой? Оба брата ненавидели друг друга, вплоть до битв - битва при Листвене 1024 года, когда Ярослав бежал с поля боя. Роман Красивый привел на Русь половцев, многократно меняя политические позиции, и в конце концов был убит половцами в 1079 году. Таким образом, Боян воспевал следующих персонажей: ненавидящих друг друга родных братьев и потомка одного из них и племянника другого, приведшего на Русь врага. Какими они были?

О красоте Романа говорить трудно, но существует основное характеристизующее понятие, применяемое к Мстиславу: храбрый. Причем

храбрость он проявил именно в поединке с Редедей. Приводим в русском переводе описание именно этого поединка: "Сказал Редедя Мстиславу: "Чего ради будем мы губить наши дружины? Сойдемся и поборемся сами, и, если одолеешь ты, то возьмешь имущество мое, и жену мою, и детей моих, и землю мою; если я одолею, то я возьму твое все". И сказал Мстислав: "Да будет так". И сказал Редедя Мстиславу: "Не оружием будем биться, но борьбою". И схватилось бороться крепко, и долгой борьбе стал изнемогать Мстислав, ибо был велик и силен Редедя. И сказал Мстислав: "О пречистая Богонастрица, помоги мне! Если же одолею его, воздвигну церковь во имя твое". И, сказав так, бросил его на землю. И выхватил нож, и зарезал Редедю".¹⁴ Таким образом, Мстислав побеждает, изменив воинскому уговору.

Рассмотрим поздних князей, изображенных в "Слове". Это - тоже триада: Игорь, Всеволод и Владимир. И связывают их те же родственные отношения: два родных брата и племянник. Оба брата нежно и верно любят друг друга, и в тексте памятника это подчеркивается специально: *Одинъ братъ, одинъ свѣтъ, свѣтлый ты, Игорю! Оба есъ Свѧтъславличи!* - говорит Всеволод. Соответственно и отношение Игоря - ждеть мила брата Всеволода; Игорь пльки заворачаеть: жаль бо ему мила брата Всеволода. Храбрость Буй-тура Всеволода безупречна (приводить отрывок, специально этому посвященный, нет необходимости), его воинская отвага и стойкость несомненны. Владимир Игоревич счастливо возвращается домой. Таким образом образ воспеваемых князей явно противопоставлен в "Слове" и у Бояна.

Третий уровень - уровень подлинно поэтического соперничества. По нашему мнению, оно выявляется там, где автор как бы дублирует и редублирует тексты и манеру Бояна, демонстрируя новые возможности поэтики. Это видно и в начальных контекстах. См.:

*Боянь бо вѣщий,
аще кому хотяше пѣснъ творити,
о растѣкашется мыслию по древу,
сѣрымъ вѣкомъ по земли,
шизымъ орломъ подъ облакы.*

Эти же образы повторяются далее:

*Абы ты сия пльки ущекоталь,
скача, славию, по мыслену древу,
летая умомъ подъ облакы,
свивая славы оба полы сего времени,
рища въ тропу Троянию
чрезъ поля на горы.*

Итак, в обоих отрывках повторяются три образа: мысль, волк, орел. Уже много лет спорят по поводу того, что такое мысль - 'мысль' или 'белка', мысль. Однако поэтика "Слова" полиассоциативна. Поэтому оба прочтения предполагаются, не исключают друг друга. Мысль 'белка' перекликается с скальдическим образом белки Рататоск, переносящей вешнее знание по воображаемому мировому дереву - ясеню Иggдрасиль - от верха, где парит орел, к низу, к земле, где сидит волк. Мысль 'мысль' перекликается с мысленным деревом, умомъ подъ облакы.

В первом отрывке описывается, как пел Боян, во втором - автор сам описывает его творчество. Заметим, что второй текст сложнее. Конкретные образы - субъекты действия исчезают. Они, элиминированные на поверхностном уровне, восстанавливаются по предикатам:

Кто скакет по дереву? - Белка.

Кто летает под облаками? - Орел.

Кто рыщет? - Волк.

Но добавление мыслену, умомъ, временни показывает, что эти образы являются символами. Итак, в первом случае автор описывает стиль Бояна через конкретные образы, во втором - дает понять, что на самом деле эти образы символичны. Образы Бояна фольклорно просты. Снова обращаясь к А.С. Пушкину, уже к его собственному творчеству, можно высказать гипотезу (в свете упомянутого его отношения к Бояну), что у него мелькает образ этого поэтически бесхитростного поэта-архаиста - белки (!):

Видит, белочка при всех
Золотой грызет орех,
Изумрудец вынимает,
А скорлупку собирает,
Кучки равные кладет,
И с присвисточкой поет
При честном при всем народе:
"Во саду ли, в огороде" ("Сказка о царе Салтане").

Н.С. Демкова отметила перекличку начала "Слова" в духе Бояна и сюжетных линий дальнейшего текста:¹⁵

Не буря соколы занесе
чресъ поля широкая,-
Галици стады бѣжать
к Дону великому.

Далее развивается тема п о л я в связи с русскими: *Скачуть, акы сѣрые вльзи въ полѣ; поѣха по чистому полю*. С половцами же связывается тема б е г а: *А половци неготовами дорогами побѣгоща къ Дону великому; Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влькомъ.*

Можно предположить, что в переходе от гипотетического "бояновского" начала к началу в духе собственно авторской поэтики, значительную роль играет звукопись,¹⁶ однако Бояну отводится как бы один тип, а автору - другой:

Комони ржуть за Сулою - (К-З-С)
Звенить слава въ Киевѣ - (З-С-К).

Но -

Трубы трубять въ Новѣградѣ - (Тр-Тр-Р), как будто звук
трубы.

Стоять стязи въ Путивлѣ - (Ст-Ст-Т), как будто подходит
и останавливается войско.

Здесь автор как бы "подхватывает" синтаксическую модель Бояна: Субъект - Глагол - Обстоятельство места, но насыщает его более сложными поэтическими средствами. Этот же прием синтаксического и одновременно фонического "подхвата" применяется и в конце текста "Слова":

Рекъ Боянъ... Тяжко ти головы кромѣ плечю,
зло ти тѣлу кромѣ головы.

"Подхват" - Руской земли безъ Игоря. В этой фразе и в дальнейшем ее продолжении мы видим звуковую тему З(С) -

Ру-с-кой з-емли бе-зъ Игоря.
С-олнце с-вѣтит-с-я на небе-с-ѣ
Игорь кня-зъ въ Ру-с-кой з-емли.

Эта звуковая тема развивает в З из з-ло в речи Бояна. Таким образом автор все время как бы играет с бояновскими текстами и текстами "под Бояна", которые сам моделирует.

Выше говорилось о поэтике ключевых слов, о синтаксисе и о фонике. В.В. Колесов, прояснивший акцентно-ритмическую природу текста "Слова", обратил внимание на глубокую связь изменений русского языка на протяжении XII века и синтактико-метрической структуры в основном тексте "Слова" и в "цитатах" из Бояна. Выводы В.В. Колесова представляются важными и совпадающими со всем, сказанным выше:

"Все стихи - цитаты из Бояна, строятся по парному принципу, что весьма характерно для древнеславянской языческой поэзии и долго сохранялось (в виде отрицательного сравнения) в русской народной поэзии. Напротив, если поэтический повтор принадлежит самому автору "Слова" такие стихи состоят из трех членов сопоставления, что стало обычным значительно позднее. Это еще одно свидетельство того, что автор "Слова", отталкиваясь от старой поэтической традиции, желая "петь не по замышлению

Бояню", но хорошо зная эту традицию, стоит в самом истоке новой для восточных славян поэтической техники, а необходимость изменений диктуется существенными изменениями русского языка, произошедшими на протяжении XII века".¹⁷

Итак, по нашему мнению, автор "Слова" идет по линии последовательной аккумуляции негативного образа предшественника - поэта, развенчивая его на всех уровнях. Существенно, что эта критика имплицитирована и нигде в тексте не формируется прямыми средствами языковой пейорации, а постепенно подводит читателя к ощущению, переданному А.С. Пушкиным как "Ирония пробивается сквозь пышную хвалу".

П р и м е ч а н и я

¹ Эти противопоставления подробно анализируются в наших работах: Т.М. Николаева. "Лингвотекстологические средства в 'Слове о полку Игореве': Поле прошлого-настоящего и глубинные смысловые оппозиции." - *Scando-slavica*, t. 29, 1983; Т.М. Николаева. "Оппозиции 'туга - веселье' и 'тыма - свет' в 'Слове о полку Игореве'". В кн.: *Проблемы структурной лингвистики - 1982*, М., 1984.

² Наиболее удачным переводом этого места нам представляется перевод К.Ф. Рылеева: "Они под звуком труб ловиты, / Концем копья воскормлены, / - Луки натянуты / - колчаны их открыты, / Путь сведом ко врагам, / мечи наточены. / Как волки серые, они по полю рыщут / И чести для себя, для князя славы ищут, / Ничто им ужасны войны!" - К.Ф. Рылеев. *Полное собрание стихотворений*. Л., 1971, с. 314.

³ *Spectateur du Nord*, 1797.

⁴ Д.С. Лихачев. "В защиту 'Слова о полку Игореве'". - *Вопросы литературы*, 1984, № 12; М.А. Робинсон, Л.И. Засонова. "Несостоявшееся открытие: ("поэмы" Бояна и "Слово о полку Игореве")." - *Русская литература*, 1985, № 2.

⁵ М.А. Максимович. "Статья вторая. Песнь Игорю относительно ее духа." - *Журнал Министерства народного просвещения*. 1836, июнь, с. 452.

⁶ Вс. Миллер. *Взгляд на "Слово о полку Игореве"*. М., 1877, с. 225.

⁷ Д.М. Шарыпкин. "'Боян' в 'Слове о полку Игореве' и поэзия скальдов". - *ТОДРЛ*, XXXI, Л., 1976.

- ⁸ М.А. Цявловский. "Пушкин и 'Слово о полку Игореве'". - В кн.: М.А. Цявловский. *Статьи о Пушкине*. М., 1962.
- ⁹ Д.С. Лихачев. "Предположение о диалогическом строении 'Слова о полку Игореве'". - *Русская литература*, 1984, № 3, с. 130.
- ¹⁰ "Слово о полку Игореве". Текст и примечания А. Потебни . Воронеж, 1978, с. 4.
- ¹¹ Вс. Миллер. Взгляд..., с. 127.
- ¹² Д.М. Шарыпкин. "Боян в 'Слове' и поэзия скальдов." - ТОДРЛ, XXXI, Л., 1976.
- ¹³ А.Н. Веселовский. "Новый взгляд на 'Слово о полку Игореве'". - *Журнал министерства народного просвещения*, 1877, август, с. 279.
- ¹⁴ *Памятники литературы Древней Руси, XI - начало XII в.* М., 1978, с. 161.
- ¹⁵ Н.С. Демкова. "Повторы в 'Слове о полку Игореве' (К изучению композиции памятника)." - В кн.: *Русская и грузинская средневековые литературы*. Л., 1979.
- ¹⁶ Подробно об этом см.: Т.М. Николаева. "К поэтике 'Слова о полку Игореве' (еще раз об аллитерациях и анаграммах)." - *Зборник за филологију и лингвистику*, XXVII-XXVIII, Нови Сад, 1984-1985.
- ¹⁷ В.В. Колесов. "Ритмика 'Слова о полку Игореве'". - ТОДРЛ, XXXVII, Л., 1983.